

Андрей Чернякевич

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИКВИДАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА БНР

Andrei Charniakevich

Belarusian People's Republic and the Soviet regime: The Berlin Conference and prerequisites for the elimination of BNR's government

The Government of the Belarusian People's Republic as a political institution was only a project created with the aim of achieving real independence. De facto it was the only democratic institution that could act to protect the rights of the Belarusian people and to represent its interests in the world. But the national elite was politically disunited and organizationally not prepared for a massive growth. Politically, Belarusian national figures were often struggling among themselves for personal and group interests. This meant the tragedy of this movement.

Keywords: Belarusian People's Republic, national movement, Soviet Belarus, belarusization, Berlin Conference.

Людзі, якія ўчора служылі
ідэалу незалежнасці...сёння яго паганяць.
Петр Кречевский (ГАРФ, 8: 84)

В 1925 г., в год разочарований и сомнений, за несколько месяцев до ликвидации последнего правительства БНР, К. Езовитов писал из Латвии в Прагу, обращаясь к председателю Рады БНР П. Кречевскому: «...Ты глупостей не делай и сильно держи старый сцяг независимости – сохраняй и мандаты Рады БНР, так как они и есть тот кнут (пуга), что подгоняет и западных и восточных оккупантов нашей земли – на разные национальные уступки нашему народу на местах. Если ты сложишь мандаты – больше не будет пуги. Ты должен

законсервироваться, сделаться на самом деле “мощами белорусской независимости”, на которые одни будут молиться, а другие плевать, однако все вместе будут считаться с их существованием» (Скарыніч, 2006: 75).

«Мощи белорусской независимости»... – эти слова означали конец целой эпохи.

Последнее, пятое правительство БНР, которое возглавил А. Цвикевич, было сформировано 23 августа 1923 г. на совместном заседании президиума Рады и Правительства БНР. Причем в постановлении особенно было подчеркнуто, что «вся работа правительства ведется, согласно постановлению Рады Республики от 13 декабря 1919 г., Президиумом Рады и Радой Народных министров совместно под руководством председателя Рады Республики П. Кречевского» (ГАРФ, 8: 6).

А. Цвикевич родился в Бресте в июле 1888 г. В 1912 г. закончил юридический факультет Петербургского университета, работал присяжным поверенным в Бресте и Пружанах, позже – в Тульском комитете помощи беженцам. Один из организаторов Белорусской Народной Громады в Москве (Цвікевіч, 1993: 211).

Глава Рады БНР П. Кречевский был одним из тех, кого захватила внезапно волна национального возрождения. Родился он 7 августа 1879 г. в семье сельского псаломщика Кобринского уезда Гродненской губернии. В возрасте двадцати трех лет закончил Виленскую духовную семинарию. Работал учителем, инспектором мелкого кредита в Виленском отделении государственного банка. В 1914 г. был мобилизован на фронт, где служил делопроизводителем одного из военно-ветеринарных лазаретов. Уже после Февральской революции был избран председателем Борисовского совета солдатских и рабочих депутатов. В декабре 1917 г. он с мандатом от союза кооперативов прибыл в Минск на Всебелорусский съезд.

Карьера П. Кречевского в белорусском движении была стремительной: избранный еще в 1917 г. членом Рады Первого Всебелорусского съезда, он спустя два месяца занимает пост государственного контролера в первом правительстве БНР, который в мае 1918 г. сменил на должность председателя Торговой палаты. 11 октября 1918 г. был избран секретарем Рады БНР. После короткого периода службы в Министерстве белорусских дел в Гродно весной 1919 г. П. Кречевский отправляется в Ковно, где и получает назначение на роль официального представителя БНР (Захарка, 1928: 8–10).

Кроме самого А. Цвикевича министерские посты в новом правительстве заняли В. Захарко (заместитель председателя и исполнявший обязанности министра финансов), Л. Заяц (государственный контролер), В. Прокулевич (государственный секретарь) и И. Воронка (министр просвещения). Вскоре, однако, последний выехал с поручениями в Соединенные Штаты и почти полностью потерял контакты с бывшими соратниками.

С критикой нового кабинета тут же выступил бывший премьер БНР Вацлав Ластовский, заявив, что его назначение прошло вопреки принятому еще в де-

кабре 1919 г. решению о том, что правительство может избираться только пленумом Рады (Гігін, 2016: 80).

Само понимание неизбежности отказа от БНР как исчерпавшего себя политического проекта давалось национальным деятелям ценой огромных психологических и моральных усилий! А. Цвикевич позже показал на допросе: «...Ликвидация БНР не была маневром, который должен был обмануть Советскую власть, а... совершенно последовательным политическим актом... Ликвидировать традицию, которая связывала нас преемственно с “Нашей Нивой”, ликвидировать центр, который являлся своего рода живой декларацией всего белорусского народнического движения, раскассировать и вбить осиновый кол в политическую установку, которая оформляла национально-демократический идеал этого движения, было не так легко, как это может казаться со стороны. Для этого нужно было пережить тяжелую внутреннюю борьбу, решиться на упрек в ренегатстве, в измене “национальному делу” – упрек, который был действительно брошен в лицо и мне, и моим товарищам...» (Цвікевіч, 1993: 217–218).

Позже советские авторы особенно подчеркивали, что идея роспуска государственных структур исходила изнутри самого БНР (Сакалоўскі, 2009: 314). В действительности все было как раз наоборот. «...Вопрос о ликвидации БНР, – показал позже на допросе В. Ластовский, – зародился в Виленской группе после учреждения Белорусского посольского клуба в польском сейме...» (Беларусь у палітыцы... 2012: 304). В Вильне, во многом в противовес эмиграционным кругам, складывается так называемый «Краевой центр» – неофициальная структура, которая выступала от имени белорусов Польши.

О создании Краевого центра и роли в нем А. Луцкевича позже вспоминал Б. Тарашкевич: «...По его инициативе и под его председательством и руководством был создан тогда упомянутый “Краевой центр”. Входили в него, кроме Луцкевича, актив Белорусского посольского клуба: Яремич, Рак, ксендз Станкевич, Овсянник, я и другие (точно всего состава вспомнить не могу). “Краевой центр” связался с деятелями в Ковне и Праге (Вершинин), получил от них поздравления с победой на выборах и пожелания успешной борьбы за автономию Западной Белоруссии. ...“Краевой центр” и не был особо тайной организацией. Создавая его, Луцкевич, по-видимому, рассчитывал сохранить за собой руководство Белорусским посольским клубом» (Валахановіч, Міхнюк, 1997: 59–60).

Сам А. Луцкевич в этот период высказывался за создание «совсем законспирированной центральной организации, в которой могли бы объединиться все руководящие элементы...». При этом он однозначно отдавал приоритет деятельности внутри края – дипломатической работе: «...Если на местах не будет вестись строительство Беларуси – в сознании народа, опираясь на очевидную реальность: культурно-национальных ценностях» (Архівы БНР, 1998: 1439–1440).

А. Цвикевич тем не менее настаивал на том, что правительство сохраняет за собой общенациональное значение: «...Формально национальный центр

в данный момент есть (Правительство БНР), – писал он в письме 6 октября 1923 г. – Я наперед соглашаюсь, что в нем многое далеко от идеала. Однако пока что это “нечто”, и мы его держимся...». И недвусмысленно просил «белоруссов Вильни» поддержать его группу (Архівы БНР, 1998: 1453–1456).

А. Цвикевич писал: «Ехать на восток пока что мы считаем для дела – невозможным. И причина не в наших личных выгодах или не выгодах, а в том, что возрожденческое движение (“адраджэнці рух”) безусловно требует сохранения национального центра, который будет вести самостоятельную, ни от кого не зависимую политику...» (Архівы БНР, 1998: 1455).

Еще в июле 1923 г. в Советской Белоруссии была объявлена амнистия, что сильно повлияло на настроения среди белорусских эмигрантов. Советский полномочный представитель в Литве (и один из руководителей советской внешней разведки) Яков Давтян писал с плохо скрываемым раздражением: «Белорусские деятели постоянно меня атакуют по вопросу встречи и “разговоров”. Уже ранее разговаривали с ними в Талине и Москве. Непокойная публика, не имеет влияния в обществе... и литовцы с ними только играют... обещая восстановление “Великой Беларуси”» (Błaszczak, 2012: 190). На самом деле, есть что-то фаталистическое в том, что именно Москва вновь становится центром притяжения белорусского движения. Причем происходило это при относительно небольших усилиях со стороны самих большевиков (Хомич, 2011: 205–256).

В ответ на призыв к руководителям БНР сложить свои мандаты П. Кречевский пишет эмоциональное обращение: «Дорогие товарищи! Я знаю, что проклятая польская рука безмерно душит белорусское население, однако не нужно все-таки терять рассудок. Вы же послы польского Сейма, имеете возможность все время крутиться в политических сферах, причем не только польских, но, я думаю, и других. В вашем распоряжении есть вся пресса, информация, как с запада, так и с востока. Как же вы могли принять единогласно такую резолюцию? Для меня это совершенно не понятно...».

«...Такие акты, как отказ от независимости, не принимаются сразу», – не уставал убеждать своих оппонентов П. Кречевский. Он еще раз повторяет свою позицию в вопросе БНР: «Что такое правительство БНР, всем за границей известно. Пока живет идея независимости Беларуси, должно жить и оно, а если вы говорите передать мандаты БССР – значит, вы отступаете от независимости и идете на федерацию, а отсюда легко согласиться и на автономию в России или Польше, даже культурно-национальную, как это сделали Дубейковский и Ладнов в Варшаве, Ластовский и Душевский в Ковно и эсеры в Минске. Тогда можно идти каждому куда попало, так как до этого времени единственное, что нас объединяет, – это независимость: та грань, за которую никто не смеет переступить!»

П. Кречевский добавлял, что для подобного шага еще не пришло время. Наоборот, подчеркивал он, «идея независимости... нигде за границей не скомпрометирована, а находит поддержку даже среди тех, кто раньше к ней относился

враждебно...». Он был также категорически против создания вместо правительства разного рода эмиграционных центров или комитетов и попыток от их имени вступать в контакт с Лигой Наций. «Превратившись в Комитет, – доказывал председатель Рады, – можно только защищать интересы эмигрантов, каких у нас просто нет...».

Главный же его аргумент заключался в том, что виленские белорусы отвечают только за «варшавский Сейм», тогда как деятелям БНР «придется отвечать за всю Беларусь вообще!» П. Кречевский категорически отказывался верить в советскую политику белорусизации, подчеркивая, что для Москвы все они – только средство в политической борьбе: «Гарантий никаких нет, и мы даже не слышим голоса своих коммунистов из Минска, кроме тех, кто меняет вехи. Но для них все равно, так как готовы служить хоть черту, лишь бы платили деньги».

Свой ответ он закончил следующими словами: «...Плох тот солдат, который спасается бегством с поля боя, не будучи побежденным, а вы советуете нам сделать это, не имея никаких на то оснований...» (НАРБ, 217: 93–94).

Как ни странно, именно безысходность ситуации внушала П. Кречевскому оптимизм. В письме к Н. Вершинину в Прагу в конце июля он писал: «... Мы были и будем объектом торга, но уже не между Литвой и Польшей, а между Польшей и Советской Беларуссью, что придает нам более достойную позицию и в политическом и в национальном смысле» (LCVA, 4: 69).

25 сентября было принято решение «в связи с настоящим положением белорусско-литовских отношений» перенести работу правительства из Ковно, оставив временным представителем в Литве В. Захарко (Błaszczak, 2012: 190–191). 11 ноября 1923 г. в Прагу на постоянное жительство переезжает руководство БНР: П. Кречевский, В. Захарко, Л. Заяц и В. Прокулевич (Беларусь у палітвыцы... 2012: 238–239).

В Чехословакии правительство БНР существует неофициально, так как чешские власти опасались реакции со стороны Польши. Чтобы каким-то образом легализоваться и одновременно сохранить атрибуты государственности, в Праге была создана Белорусская Рада – неполитическая культурно-просветительная организация под председательством Л. Зайца. В ответ 8 декабря 1923 г. пражские эсеры (Т. Гриб, П. Бадунова, И. Момонько) выдали «Паведамленне», в котором называли Раду «новой авантюрой... попыткой спекулировать на идее белорусского национального движения». «...Так называемое “правительство” А. Цвикевича, искусственно созданное на эмиграции и пребывающее в Ковне, – говорилось в нем, – не может считаться законным правительством БНР... Как организация частная, не имеющая никакой связи с ответственными белорусскими партиями и организациями как в крае, так и за границей, это правительство является безответственным и самозванным. ...Созданная в Праге так называемая “Белорусская Рада” во главе с П. Кречевским и А. Цвикевичем есть не что иное, как новое авантюристическое предприятие, новая попытка спеку-

ляции на идее белорусского освободительного движения и его представительства за границей, группы политически обанкротившейся, дезориентированной, недавно примкнувшей к белорусскому движению интеллигенции, потерявшей всякие нормы политического мышления и морально-этического поведения...». С другой стороны, против Рады выступил Янка Станкевич. Официально Белорусская Рада была зарегистрирована только 8 февраля 1924 г. (Архівы БНР, 1998: 1482–1484; Буча, 2012: 91). Правда, уже вскоре, 9 июня 1924 г., в Минске на съезде было объявлено о ликвидации и самой партии белорусских эсеров (Гігін, 2016: 80–81).

Тем временем в январе 1924 г. в Ковно, спасаясь от ареста, прибывает бывший посол в польский сейм С. Яковюк. Хотя Яковюк и выступал от имени белорусского посольского клуба, именно он сыграл основную роль в перетягивании «группы Цвикевича» на советскую сторону. Не случайно после его приезда в Литву идея ликвидации БНР становится одним из политических лозунгов самого А. Цвикевича (Błaszczak, 2012: 255). Любопытно, что в самом Вильно в этот момент наиболее «просоветскими» оставались два других посла – С. Рак-Михайловский и А. Овсеенко, еще до недавнего времени бывшие активными деятелями БНР и даже Найвысшей Рады. Бронислав Тарашкевич позже по этому поводу писал: «...Определенными советофилами в послевыборный период 1923 г. считались Рак М. и А. Овсянник. Последний, кажется, переходил советскую границу и бывал в Минске (что в Белорусском посольском клубе тогда не было известно). В этом советофильстве должна была играть значительную роль симпатия к мероприятиям советского правительства по национальному и аграрному вопросам, но вместе с тем, вероятно, и ставка на скорый приход большевиков на Западную Беларусь в результате предполагаемой войны (последнее, очевидно, у Овсянника)» (Валахановіч, Міхнюк, 1997: 59).

Тем не менее это именно В. Ластовский и К. Дуж-Душевский первыми публично поднимают вопрос о дальнейшем существовании правительства БНР. 24 сентября 1924 г. они публикуют в литовской газете «Lietuva» «Извещение», в котором объявили о неправомерности правительства А. Цвикевича. «...Несколько лиц, – говорилось в «Извещении», – желая использовать для своих личных целей имя несуществующего Белорусского Правительства, назвали себя таковыми, и некто А. Цвикевич стал во главе его...» (Архівы БНР, 1998: 1537–1539).

Уже в середине октября 1924 г. К. Дуж-Душевский едет в Прагу, где вместе с посланным от виленских белорусов Б. Тарашкевичем должен был... ликвидировать правительство БНР. Правда, Б. Тарашкевич не дождался К. Душевского и вернулся в Польшу. И. Станкевич заметил по этому поводу, что виленчукам придется принять меры, так как «правительство» добровольно не ликвидируется (Архівы БНР, 1998: 1544)!

В этой ситуации Раде БНР пришлось в первую очередь отстаивать право выступать от имени белорусского народа. «...Ни один из краевых центров, – писал

осенью 1924 г. П. Кречевский в проекте обращения к Совнаркому БССР, Белорусскому Посольскому клубу и Временной Белорусской Раде в Вильне, – не может заменить постановление Рады Республики, как невозможно без согласования с высшей властью Беларуси принимать те либо иные шаги государственного характера. Всякое сепаративное выступление этих центров является подтверждением разделов Беларуси и переходом от независимости на федерацию или даже культурную автономию. Такая деятельность краевых центров должна рассматриваться как предательство независимости Беларуси и Рада Республики всем своим юридическим и маральным правом требует... остановить вредную для белорусского дела акцию» (Архівы БНР, 1998: 1539–1540).

П. Кречевский все еще пытался убедить А. Цвикевича в необходимости сохранить любой ценой белорусское правительство. В конце мая 1924 г. он писал из Праги: «...Но мы же “незалежники”, а они хотят сбить нас на федерацию с советской Россией. За федерацию нам и тут... могут дать и квартиру и деньги на работу, не говоря уже про службу...Мы лично от этого можем только выиграть, но идея независимости потеряет свою актуальность надолго. Теперь же она стоит высоко...» (Скарынiч, 2006: 74).

В заочную дискуссию включился и В. Захарко. В своем письме к виленским белорусам в начале ноября 1924 г. он писал: «Пришла отвратительная пора, когда люди потеряли все, что должно быть у человека, – честь и совесть...». Далее он фактически обвиняет западнобелорусских деятелей в молчаливом попустительстве В. Ластовскому и его акции, направленной против правительства БНР. «Трудно, – заканчивал он письмо, – и, конечно, как теперь говорят, против доллара не попрешь, однако мы, несмотря на всю сложность нашего положения, думаем “пертись” и дальше, так как лучшего выхода ни для чести, ни для дела не видим» (Архівы БНР, 1998:1546–1548).

Кроме того, в середине августа 1924 г. белорусское пресс-бюро в Ковно распространило протест представительства БНР, в котором, ссылаясь в том числе и на решение Краевого центра Западной Беларуси, было заявлено, что «Ластовский является сотрудником МИД Литвы и как таковой не мог быть командирован за границу в качестве представителя белорусов», а сама его командировка «является актом, противоречащим добрым отношениям к Правительству БНР и белорусскому обществу, и тем самым нарушающим договор о взаимной поддержке от 11 ноября 1920 г.» (ГАРФ, 11: 299).

Чтобы как-то спасти ситуацию, А. Цвикевич предпринимает еще одну попытку договориться с литовскими политиками. Он даже собирался созвать в Ковно очередную конференцию, на которой должен был поднять вопрос о дальнейшей судьбе белорусского национального движения. Впрочем, уже само место ее проведения фактически отсекало от участия делегатов из Виленщины и Гродненщины, которые просто не могли бы въехать в Литву. Уже в начале сентября 1924 г. литовское руководство принимает решение заставить представителей

БНР окончательно покинуть Литву. Предпринимаются и более конкретные шаги: выселение миссии БНР из ее представительства и конфискация архива, наконец, высылка Волковича и Цвикевича из страны. В итоге 10 декабря 1924 г. президиум Рады БНР фактически объявляет о разрыве отношений с правительством Литвы (Właszczaк, 2012: 192).

С этого момента А. Цвикевич становится частым гостем советского посольства в Ковно. В своих беседах с И. Лоренцом он прямо заявлял, что после разрыва отношений с литовцами у белорусов вновь оказались развязаны руки в отношении виленского «вопроса». Сам И. Лоренц в своем рапорте за февраль 1925 г. писал: «Цвикевич, как человек, простой и открытый. Открытый не потому, что искренний, а потому, что не достаточно дальновидный... Несомненно, что его группа еще не отказалась от планов по созданию независимого демократического белорусского государства, но он считает, что единственной возможностью для работы в белорусском духе есть Минск... Безусловно, что его приезд в Минск имел бы ряд негативных последствий, но не стоит забывать и про пользу, которую бы он принес, – раскололась бы белорусская эмиграция, начали бы ездить также и другие. На мой взгляд, белорусский вопрос вскоре будет для нас весьма актуальным и не стоит этого недооценивать... мы должны подготовить позицию для будущего» (Właszczaк, 2012: 257–258).

В самой Литве продолжается «зачистка» по отношению к бывшим структурам БНР. Переломным моментом во многом стали события 24 сентября 1924 г., когда криминальная полиция Ковно ворвалась в представительство БНР и конфисковала книгу регистрации паспортов (Właszczaк, 2012: 200). 29 сентября 1924 г. начальник криминальной полиции произвел насильственную выемку паспортного реестра из помещения миссии Белорусской Народной Республики в Ковно. Одновременно на страницах официальных литовских изданий публикуются критические материалы В. Ластовского и К. Душевского. 10 ноября правительство БНР из Праги направило на имя министра иностранных дел Литвы письмо с перечнем нарушений литовским правительством белорусско-литовского соглашения. «...Имею честь просить Вас, Господин Министр, – заканчивал свое послание А. Цвикевич, – в двухнедельный срок со дня получения сего дать мне исчерпывающие разъяснения по всем затронутым вопросам и указать средства к устранению нарушений упомянутого договора. Если по прошествии этого срока я не получу от Вас надлежащего ответа, то, к сожалению, принужден буду, возложив всю ответственность перед белорусским и литовским народами на Литовское Правительство, – договор считать аннулированным, оставив за собой свободу действий» (Беларусь у палітыцы... 2012: 238–239).

Дошло до судебного процесса между А. Волковичем и В. Ластовским за право использовать помещение миссии БНР. В начале 1925 г. В. Ластовский писал И. Янину: «...Два года на меня сыплются камни со стороны компании Цвикевича. Живу буквально в тюремных условиях, окруженный каждоднев-

ными придирками с одной стороны... хозяйки дома, а с другой – постоянными нападками компании Цвикевича, которая заселила половину моей квартиры, потеснив меня в одну комнату...» (Архівы БНР, 1998: 1568). Нехватка средств, однако, привела к тому, что уже 19 января 1925 г. представитель белорусского правительства вынужден был покинуть здание, с которого сняли флаг и шильду (Błaszczak, 2012: 202).

Выброшенными фактически оказались и архивы белорусского правительства. 24 января 1925 г. А. Волкович обратился к консулу Чехословакии в Литве как «представителю дружественного и братского... славянского народа» с «покорнейшей просьбой предпринять возможные... шаги в смысле защиты белорусского национального дела, в частности, в смысле спасения столь ценных для Белоруссии архивов». «Означенный архив, – говорилось в обращении, – имеет исключительно важное значение для истории белорусского освободительного движения, для культуры и будущей общественной работы на Белоруссии» (НАРБ, 198: 20–22).

Опасаясь, что наметившееся сближение Польши с Литвой позволит В. Ластовскому выйти из изоляции, Серетариат ЦК КП(б)Б принимает решение любой ценой помешать ему реанимировать «белорусский» проект, но уже в новой форме – «Кривии». В роли главного «тарана» в этот раз должен был выступить А. Цвикевич, а обязанности «кукловода» ложились на плечи А. Ульянова, который фактически заменил в этом деле Александровского. Белорус, рожденный в Минске в 1901 г. в семье земского врача, свою политическую карьеру Александр Ульянов начал в Февральскую революцию как активный деятель партии российских эсеров. Позже вступил в коммунистическую партию, стал заместителем уполномоченного Наркомвнешторга в Белоруссии, с 1924 г. – директор южного отделения треста «Лесбел» в Крыму, управляющий Рижским отделением этого же треста (Латвия). С июня 1925 г. – атташе, позже советник полпредства СССР в Польше (Wołos, 2013: 45–46; Илькевич, Платонов, 1997: 7).

«...Ульянов, – характеризовал позже советского полпреда Б. Тарашкевич, – благодаря своим личным качествам, знанию белорусского языка и белорусской политической жизни и, главное, благодаря тому доверию, какое ему оказывала партия и советское правительство, завоевал себе симпатии и полное доверие у представителей белорусского национально-освободительного движения». Сам А. Ульянов несколько лет спустя так описал стоявшее перед ним задание: «За границей имелся целый ряд белорусских эмигрантских групп... Эти белорусские группы противопоставляли себя советскому правительству, везде выставляя себя как “представителей народа”. Наша задача была обезглавить, обезвредить эти группы, обещая им амнистию и работу по приезду в СССР. Это было проделано. Мы организовали это так, что на эмигрантской конференции в Берлине были наши люди...». Первоначально связь между руководством Советской Беларуси и виленскими белорусами осуществлялась через П. Ильючонка, однако

летом 1925 г. он был отстранен от своей деятельности как неблагонадежный. Кроме прочего, советских дипломатов могли насторожить слухи о возможных переговорах правительства БНР с Польшей о приезде в... Варшаву (Валахановіч, Міхнюк, 1997: 67).

К началу 1925 г. инерция событий окончательно превратила БНР в заложника советской политики. В феврале 1925 г. белорусский центр в Латвии был ликвидирован. Власти обвинили местных деятелей в связях с Минском и планах по присоединению Латгалии к Советской Белоруссии. Обвинения эти, по сути, как и до этого в Белостокском процессе, строились на школьной карте с границами белорусского этноса далеко за пределами БССР и поздравительными открытками в честь Дня Независимости! В результате уже летом по приглашению Полпредства СССР в Латвии в Минск выехал бывший директор белорусской гимназии в Двинске И. Красковский. Историк А. Сидоревич считает, что в БССР тот отправился в качестве разведчика, а от того, как его «примут», зависело, ликвидируется ли правительство БНР или нет. Вскоре в Прагу из Минска отправляется письмо в весьма «розовых тонах». Правда, А. Сидоревич высказывает предположение о том, что сам И. Красковский мог быть связан с советскими спецслужбами (Сідарэвіч, 2016: 16–17).

В начале 1925 г. заместитель директора Люцинской белорусской гимназии В. Пигулевский писал в Краевой центр: «...Нужно прежде всего выяснить нашу основную, главнейшую праграмму – символ веры. Это следует сделать громко, не прячась под ворохом разных “дипломатических обстоятельств”... Вам хорошо известно, что в межнациональных отношениях считаются только с силой. Уже прошел тот период, когда лимитрофы переживали свой “медовый месяц” и держались за старые идеалы и права поработенных народов... Теперь они – государства и ничто государственное “им не чуждо”. Теперь они считаются только с силой, – и горе нам, если мы никаким способом не можем показать свою силу. Нужно если не дать кулаком в морду, то припомнить в ясных словах, что если придет первая возможность, то мы дадим. Правда, мы закованы в ланцуги, сидим в неволе, – но плохо думает тот, кто считает более соответствующим надеяться на милость хозяина и ждать хороших отношений за “хорошее молчаливое поведение”. Такого добродушного раба съедят с косточками». Те же белорусы Латвии если чего и ждали и на что надеялись, так это на «белорусизацию» именно... Минска! Пигулевский продолжает в своем письме: «...Вместе с вами жду того момента, когда Минск станет по-настоящему белорусским». Он всячески поддерживал членов Краевого центра в нежелании «отдавать инициативу возрождения в чужие руки» (ГАРФ, 7: 26–29).

В апреле 1925 г. в Праге прошло совещание с участием А. Цвикевича, П. Кречевского, Б. Тарашкевича, В. Игнатовского, А. Смолича и Беккера, на которой прозвучала идея создания единого белорусского фронта. Согласно историку В. Цынкевичу, представители Польши, узнав про конференцию, безуспешно пы-

тались перетянуть на свою сторону часть «старой» эмиграции – П. Кречевского, Л. Зайца и В. Захарко (Цынкевич, 2004: 78).

2 марта 1925 г. А. Цвикевич, обращаясь к Краевому центру в Вильне, раскритиковал его отношение к правительству БНР: «...Вы выбиваете почву из-под ног нашей пропаганды независимости Беларуси... После этого наше пребывание за границей – как и вообще вся наша работа до сегодняшнего дня, носит характер чего-то непонятного, несерьезного, с чем не стоит считаться, чему нельзя верить...» – подводил А. Цвикевич итог (Архивы БНР, 1998: 1576).

В ответе из Вильни белорусской эмиграции недвусмысленно дают понять, что ее время прошло. На страницах местных белорусских газет самых разных ориентаций печатаются статьи с призывом к деятелям БНР «возвращаться домой».

Сама конференция, или Второе белорусское национальное совещание, как оно было первоначально запланировано, готовилось с целью создания так называемого «заграничного представительства». Средства на ее проведение пообещала выделить Литва, чье руководство было заинтересовано в том, чтобы, с одной стороны, покончить с правительством БНР как уже изжившим себя политическим проектом, а с другой – сохранить влияние на белорусов (последнее было особенно актуальным, учитывая ситуацию вокруг Вильни) (Архивы БНР, 1998: 1619). Непосредственно переговоры об организации совещания с А. Цвикевичем и В. Ластовским от имени Краевого центра вел кс. А. Станкевич, который поддерживал тесные отношения с Ковно. В конце мая – начале июня 1925 г. в Гданьске белорусские деятели обсудили будущую политическую конференцию.

В. Ластовский позже вспоминал: «...На совещании около Данцига в Оливе, где присутствовали я, Цвикевич, Тарашкевич, Яремич, Станкевич и др., Цвикевичем было поставлено предложение о ликвидации правительства БНР, я возражал против ликвидации, потому что мне казалось, что с ликвидацией правительства БНР не будет за границей голоса в пользу белорусского народного движения. Инициатором возвращения в БССР был А. Цвикевич, и его поддерживали громадovsky» (Беларусь у палітыцы... 2012: 304).

Однако к концу лета ситуация вокруг конференции успела коренным образом измениться. 14 августа 1925 г. ЦК КП(б)Б принял решение о финансировании конференции в Берлине при условии признания Минска в качестве единого политического и культурного центра, отказа от ориентации на Лигу Наций и передачи полномочий БССР. На проведение этой акции было решено передать А. Ульянову 3 тысячи рублей. Не случайно уже очередная встреча в Гданьске в августе 1925 г. проводилась за счет средств советского полпредства в Ковно. Как раз накануне на встрече в Сопоте между представителями Советской и Западной Белоруссии было окончательно решено о создании единого политического фронта (А. Ульянов выступил на этом совещании с докладом относительно запланированного роспуска правительства БНР).

«Несколько дней спустя после сопотского совещания я встретился случайно в Данциге с Ал. Цвикевичем, – пишет Б. Тарашкевич. – Он заявил, что считает “историческую” роль бэнээровского правительства законченной, проигранной, что надо ехать в БССР для положительной работы. Выразил полную готовность признать безоговорочно Советское правительство. Тогда же я встретил и Ластовского, приехавшего на свидание с ксендзом Станкевичем. В разговоре со мной он не скрывал своего враждебного отношения к советской власти, как раз по мотивам национального характера. К ликвидации бэнээровского правительства относился как к национальной измене» (Валахановіч, Міхнюк, 1997: 68–70).

Уже 2 сентября А. Цвикевич встретился с советскими представителями и в очередной раз пообещал сложить свои полномочия главы правительства БНР. Минск в первую очередь требовал добиться от главы БНР полной и безоговорочной лояльности: либо он и его группа принимает все условия БССР, либо БССР «начинает против них борьбу». Никаких «белорусских комитетов» или подобных структур взамен БНР быть не должно, чтобы никто впредь не «питал иллюзий в белорусском вопросе». Кроме того, вероятно, ему удалось получить около 3 тысяч литов на проведение конференции от Министерства иностранных дел Литвы, которая была не меньше Москвы заинтересована в ликвидации белорусского правительства. Вся операция укладывалась в три хода: «громкая» декларация, сложение полномочий и отъезд. При случае ЦК поставило на вид Народному комиссариату иностранных дел, проводящему до этого работу по конференции, «отсутствие полной ясности и последовательности» (Сакалоўскі, 2009: 302, 304).

Буквально за месяц до намеченной конференции в Берлине заведующий подотделом Прибалтики и Польши советского Народного комиссариата по иностранным делам Боркусевиц сообщил В. Молотову об имевшихся разногласиях по вопросу ликвидации правительства БНР: «Цвикевич предложил на означенной конференции создать Белорусский заграничный комитет, целью которого было бы постоянное будирование белорусского вопроса в Лиге Наций и других местах, и считал, что только такой бесперспективный комитет вполне достиг бы своей цели. Наш полпред в Москве Александровский присоединился к этой точке зрения, исходя из того, что такой комитет помог бы его работе в Литве, парализовал бы полофильские стремления и при помощи его можно было бы вообще чинить трудности... в вопросе сближения с Польшей.

Минск категорически возражает против создания каких бы то ни было комитетов и требует полной ликвидации эмигрантской белорусской работы, постановив в виде уступки Цвикевичу разрешить ему устройство подобного комитета в Минске.

НКВД ввиду крайней спешности не вошел в обсуждение вопроса и согласился на предложение о ликвидации белорусских заграничных центров, на что Цвикевич выразил письменное согласие.

Минск требует обязательной поездки Уполнаркоиндел в Белоруссии т. Козюры на съезд в Берлин, против чего коллегия НКИД категорически возражает, так как даже при негласном присутствии Уполнаркомииндела при правительстве БССР в Берлине во время Белорусского съезда возможна компрометация НКИД. Кроме того, по линии НКИД вполне достаточно негласного руководства Цвикевичем через советника по белорусским делам при варшавском Полпредстве т. Ульянова.

Кроме того, Минск имеет возможность воздействовать на закордонных белорусов через белорусских писателей Жилуновича (член РКП, член Президиума Совета Национальностей), белорусского поэта Куделько-Чарота (чл. РКП) и Луцевича (Янка Купала), белорусского национального поэта, которые были выделены белорусским ЦК специально для обработки эмигрантского общественного мнения в нашем духе и имеют заграничные паспорта...» (Скарыніч, 2006: 75).

Тем временем А. Ульянов вместе с Л. Приходько, советским полпредом в Праге, который курировал на месте белорусский вопрос, приходят к выводу, что запланированная конференция лишь укрепляет значение эмиграционного центра. К тому же существовало опасение, что В. Ластовский попытается воспользоваться ею для объединения национального движения. Выяснилось также, что накануне А. Цвикевич приезжал в Прагу и вел там секретные переговоры. Кроме того, подготовка к ликвидации правительства БНР совпала с так называемой «сецессией» в рядах западнобелорусских коммунистов и, что не менее важно, подготовкой создания Громады!

На совещании по вопросу о проведении берлинской конференции ЦК КП(б)Б постановил организовать политическую кампанию с помощью коммунистических партий Польши и Западной Беларуси, а также задействовать организацию «Грамада». Ульянову в Варшаве и Александровскому в Вильне поручалось принять активное участие в подготовке самой конференции. Только 4 октября 1925 г., после того как в Праге А. Цвикевич подписывает акт о роспуске правительства БНР и передает его на руки председателю советского белорусского правительства И. Адамовичу и уполномоченному народного комиссариата иностранных дел Козюре, советская сторона дает окончательное добро на проведение запланированной акции.

В тот же день перед отъездом в Берлин Л. Заяц, В. Захарко, В. Прокулевич объявили П. Кречевскому о своей отставке, чтобы «иметь свободными руки для защиты Белорусской Державности», если на конференции возникнет вопрос о ликвидации Правительства БНР (ГАРФ, 8: 80). Сделано это было не случайно. Как заметил позже П. Кречевский, «до самого момента созыва конференции... никто не знал, что это будет за конференция и кто на самом деле на нее приедет. Не было известно даже, за чей счет она созывается» (ГАРФ, 8: 79).

В инструкции, которая была дана П. Кречевским пражской группе, говорилось: «Права конференции исходят из полномочий принимающих в ней сторон.

Резолюции и постановления получают силу только после утверждения их правными органами трех частей Беларуси на равных основах. Делегаты правительства БНР едут на Конференцию с информационными целями. Обмен взглядами с соответствующими руководителями трех этнографических частей Беларуси и возможность убедиться в доброй воле сотрудничать на благо возрождения Беларуси могут дать делегатам право принять постоянное участие в Конференции при расхождении во взглядах, только подав отставку на руки Председателя Рады БНР. Члены Правительства могут принять участие в Конференции персонально, без ответа за их поведение со стороны Правительства» (ГАРФ, 8: 80–81).

Вторая белорусская национальная политическая конференция длилась всего двое суток: с 14 по 15 октября 1925 г. В ней приняли участие 17 делегатов от пражской, берлинской, ковенской и латвийской организаций (примечательно, что представители Минска и Западной Беларуси принципиально не присутствовали, что только должно было сильнее подчеркнуть маргинальный характер самой БНР). От Советской Беларуси на конференции присутствовали А. Ульянов, Д. Жилунович и М. Куделька (М. Чарот) (Цынкевіч, 2004: 78–79). В. Ластовский, а также противники сближения с Минском – Т. Гриб и др. – от участия в конференции были отстранены, а вопрос о создании некоего эмигрантского центра взамен структур БНР больше не вставал.

А. Цвикеви́ч позже вспоминал: «...На необходимости формальной, полной ликвидации правительства БНР настаивал я, а также, насколько я помню, тов. Ульянов. Группа Кречевского – Захарко считала эту ликвидацию недопустимой, полагая, что мы должны не ликвидировать БНР, а подать в отставку и ехать каждый как хотел. Берлинская конференция была созвана осенью 1925 г. На ней были: я, Заяц, Головинский, Прокулевич, Захарко, Момонько, Езовитов, делегат из Риги, Вершинин и представитель студенчества в Праге, Боровский из Берлина. В Берлин в связи с этим выезжали т. Славинский и Игнатовский, но они приехали раньше и уехали обратно. Из Вильни не было никого. От белорусских послов в Варшавском сейме также никто не приехал...» (Цвікевіч, 1993: 216).

Среди вынесенных на порядок дня пунктов значились доклады с мест о положении белорусов в Литве, Латвии, под «польской оккупацией», в Советской Белоруссии и о белорусских студентах в Праге. Предпоследний вопрос конференции – «Консолидация белорусских сил за границей» (Сакалоўскі, 2009: 303, 314).

Нельзя сказать, что цели самой конференции составляли какую-либо тайну для ее участников. Не случайно накануне перед своим отъездом из Праги в Берлин трое из членов правительства – Л. Заяц, В. Захарко и В. Прокулевич – подали председателю Рады БНР П. Кречевскому заявление о своей отставке, что фактически лишало их всяческих полномочий (Сакалоўскі, 2009: 325).

По иронии, в качестве одного из основных врагов белорусского возрождения сработавшиеся указали на В. Ластовского с его «историческим романтизмом». Того

самого В. Ластовского, которого на Первой конференции в Праге признали его гарантом. В принятой в Берлине резолюции подчеркивалось, что за попыткой придать названию «Кривия» общегосударственный характер скрывается стремление соседних с Беларусью государств «поделить белорусскую землю», а сама резолюция вносит только «разлад в сознание народа» (Сакалоўскі, 2009: 304).

В других резолюциях сеньорен-конвент протестовал против «невиданных издевательств, которые творит польская власть над беззащитным белорусским населением» Западной Беларуси, и обличал «неискреннюю политику» Литвы в отношении «виленского вопроса». При этом особенно подчеркивалось, что на восточных землях Беларуси создано белорусское государство в форме Белорусской советской республики (Сакалоўскі, 2009: 303–306).

В итоговом протоколе Совета народных министров за 15 октября 1925 г. записано: «Объявить с сегодняшнего дня правительство Белорусской Народной Республики ликвидированным и прекратившим свою деятельность». Под документом стояли подписи председателя правительства А. Цвикевича, исполняющего обязанности министра финансов В. Захарки, государственного контролера Л. Зайца и государственного секретаря В. Прокулевича (Сакалоўскі, 2009:307). Правда, уже под решением правительства признать Минск в качестве «единого центра национально-государственного возрождения Беларуси» В. Захарко подпись не поставил (Сакалоўскі, 2009: 308).

В Минске могли быть довольны. Через неделю после конференции на секретном заседании бюро ЦК КП(б)Б было принято постановление о том, что А. Ульянов «целиком и полностью» выполнил порученные задания! Бывшим членам правительства БНР разрешалось выехать в Советскую Белоруссию, при этом А. Головинскому и А. Цвикевичу полагалась «поддержка» в сумме 430 долларов каждому. Собственно, финансовая помощь со стороны Советской России для белорусских организаций в Польше в этот период стала чем-то обычным. Только за ноябрь 1925 – май 1926 г. «знакомым» (некоммунистическим организациям) было выделено около 13 тысяч долларов (Сакалоўскі, 2009: 309; Цынкевіч, 2004: 76–77). Спустя еще месяц, 25 ноября, ЦИК БССР утвердил итоги конференции и высказался за использование всех средств для объединения Беларуси (Цынкевіч, 2004: 78–79).

Почти одновременно решение Берлинской конференции попытался опротестовать и Вацлав Ластовский, опубликовав заявление о том, что правительство А. Цвикевича с самого начала было нелегитимным. От имени так называемого Союза национально-государственного освобождения Беларуси (Сувязь нацыянальна-дзяржаўнага вызвалення Беларусі) была озвучена резолюция, осуждавшая «банду авантюристов из девяти человек, которые самозванным способом выдавали себя за границу за министров БНР, не имея на это никаких юридических оснований... Кроме этой банды авантюристов, тесно повязанных между собой темным прошлым, больше никакие белорусские (кривичские) ор-

ганизации – ни правые, ни заграничные с ними не заседали и говорить им от своего имени не поручали. Постановления и резолюции этой группы предателей направлены против освободительного белорусского (кривичского) движения и рассчитаны на то, чтобы посеять смятение в нашей общественной мысли. Указанный съезд и его постановления вызваны не какими-либо идейными стремлениями, а исключительно личными материальными выгодами продажных политиков...» (ГАРФ, 8: 83).

Однако большинство белорусских организаций высказались в поддержку принятых в Берлине решений. Тот же В. Прокулевич пытался убедить П. Кречевского, что произошедшее – это результат взаимного признания и соглашения между старшим поколением «исторических романтиков» и младшим – реальными политиками, практиками, которые и руководят общественно-государственной жизнью. «Этому братскому союзу... наши внуки будут складать песни...» – пафосно заключал он. В. Прокулевич писал: «...Наиболее злостный протест на итоги берлинской конференции озвучил “маршалак” Кречевский, поскольку, видите ли, конференция не заметила и не захотела считаться с низошедшей на него “милостью Божей” – желанием представлять суверенные права белорусского народа. Чего добивается П.А. Кречевский? Позвольте, дядька Петр, отвечу за вас: “Я хочу дать отчет белорусскому народу о святой деятельности за время скитаний по заграницам”. “Ну и хорошо, дядька, делайте – печатайте ваш отчет в “Замежной Беларусі”, – кто интересуется, тот прочтет. Но это вас не устраивает. Вы, как тот распущенный ребенок, начинаете проявлять ваши “капризы”. Вы принимаете осанку и торжественно заявляете: “Хочу отчитываться без ненужных свидетелей, – хочу, чтобы сначала за пределы этнографичной Беларуси вышли как польские, так и московские войска”. Вот в этот момент и проявляются ваши истинные качества...» (Пуцята, 1925: 111–112).

Правда, самому А. Цвикевичу пришлось еще выступить с обширным письмом, в котором он назвал главной национальной задачей «освобождение Западной Беларуси от польского захвата» и еще раз подчеркнул «решительный», а не «тактический» характер ликвидации правительства БНР (Сакалоўскі, 2009: 309–312).

Однако сам акт ликвидации был только частью советского плана. Не менее важно было представить его в нужном свете, для чего понадобился весь механизм официальной пропаганды. Замуполномоченного НКВД СССР при правительстве БССР М. Орлов на правах «Наблюдателя» составил обширный обзор под названием «История одного правительства», в котором не скупился ни на обширные цитаты протоколов конференции, ни на саркастические комментарии к ним.

Последние несколько лет существования правительства БНР подавались автором в форме гротеска: «...В процессе творческой, созидательной работы рабочие и крестьяне БССР совершенно забыли о том, что где-то, за кордоном, су-

ществует группка мечтателей-интеллигентов, все еще продолжавших носиться как с писаной торбой с идеей создания Белорусской Демократической Республики. Лишь старожилы Минска помнили, что где-то там сидят чудачки, которые все еще играют в правительство и раздают друг другу портфели» (Сакалоўскі, 2009: 313).

Более того. Даже сама конференция и принятые на ней решения упоминались с подчеркнутым пренебрежением: «...Мы далеки от мысли преувеличивать значение этого “исторического” акта. Мы его констатируем... Бесславный конец группки мечтателей-интеллигентов, испытавших на своей спине прелести “демократической” Европы, был неизбежен. Вопрос шел лишь о времени» (Сакалоўскі, 2009: 318).

Комментарий газеты «Савецкая Беларусь» хотя и был более сдержанным по форме, заканчивался примерно так же: «...Это признание нас мало волнует, как некий великий политический акт. Мы констатируем лишь сам факт его. Мы показываем, что верный исторический путь возрождения белорусского трудового народа, по которому ведет советское правительство, сейчас признан и теми, кто шел к этой цели путем ошибок и обмана» (Сакалоўскі, 2009: 323).

И только «Звезда» воспользовалась новостью как поводом указать на «истинного» врага: «...Угнетение белорусского населения в Польше и других странах стало настолько невыносимым, что закрывать глаза в дальнейшем на этот факт эмиграция не может. Рост и дальнейшее укрепление БССР, где национальные права наиболее полно осуществлены, на фоне полного бесправия и произвола над белорусским населением в соседних с нами странах, в конце концов заставили белорусскую эмиграцию прийти к единственно правильному выводу и признать Минск единственным центром политического возрождения белорусского народа» (Сакалоўскі, 2009: 321).

Таким образом, БНР как политический институт так и остался только проектом, созданным с целью достижения реальной независимости. И в этом была вся трагедия движения. Но именно провозглашение независимости БНР стало триумфом национальной идеи! Тот же А. Цвикевич, последний из премьер-министров БНР, сформулировал суть его емко и просто: «...Акт 25 марта не ищет для себя оправдания... Он своим содержанием утверждает историческое право народов Беларуси на свободу... Беларусь не стала независимым государством. Но это не уменьшает чрезвычайной, исторической ценности этого акта как главного закона белорусского освободительного движения, всего белорусского возрождения. Он стал не законом, проведенным в жизнь, но стал законом белорусской жизни» (Цвікевіч, 1996:148).

Архивные источники

- Нацыянальны Дзяржаўны архіў Рэспублікі Беларусь у Мінску (НАРБ). Ф. 325 Рада Народных Міністраў БНР. Воп. 1.
- Lietuvos centrinis valstybes archyvas Vilnius (LCVA). F. 582 Baltarusijos liaudies respublikos Ministrų Taryba LCVA. F. 582. Ap. 1.
- Государственный архив Российской Федерации в Москве (ГАРФ). Ф. 5875. Оп. 1.

Літэратура

- Błaszczak, T.* Białorusini w Republice Litewskiej 1918–1940. Rozpraw doktorska. Toruń, 2012.
- Wołos, M.* O Piłsudskim, Dmowskim i zamachu majowym. Dyplomacja sowiecka wobec Polski w okresie kryzysu politycznego 1925–1926. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2013.
- Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Кніга 1. Т. 2. Вільня; Нью-Ерк; Менск; Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, таварыства беларускага пісьменства Наша ніва, 1998.
- Буча, А.* Беларуская дыяспара ў Чэхаславакіі (1921–1938). Дысертацыя на суісканне вучонай ступені канд. гіст. навук. Мінск, 2012.
- Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. Т. II. Мінск: Юніпак, 2012.
- Валахановіч, А., Міхнюк, У.* Споведзь у надзеі застацца жывым: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча / Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск, 1997.
- Хомич, С.* Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск: Экономпресс, 2011. 416 с.
- Цынкевіч, В.* Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. Дысертацыя на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2004.

Стат'ы

- Гігін, В.* «Прызнаць Мінск адзіным цэнтрам нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння...» // Беларуская думка. 2016. № 1. С. 77–83.
- Захарка, В. П. А.* Кречевский // Вестник Социалистической Лиги Нового Востока. Май 1928. № 1. С. 8–10.
- Пуцята.* Справа паняволеных народаў і шляхі беларускага адраджэння // Крывіч. 1925. № 10. С. 111–112.
- Сакалоўскі, У.* Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919–1925) // АРСНЕ-Пачатак. 2009. № 3. С. 7–328.
- Сідарэвіч, А.* Зорны час і галгофа Аркадзя Смоліча // Наша Ніва. 7.9.2016. № 27. С. 16–17.
- Скарыніч.* Літаратурна-навуковы гадавік. Вып. 6. М., 2006.
- Цвікевіч, А.* (А. Галынец) Чатыры гады (1918–25.3.1922) // Спадчына. 1996. № 3. С. 124–148.
- Цвікевіч, А.* Ліквідацыя БНР не была манеўрам. Візіт да Пілсудскага // Малодосць. 1993. № 1. С. 211–240.